

С. А. Громыко

Русско-польский кросснационалистический дискурс в Государственной думе Российской империи: риторико-прагматический аспект

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»

Для цитирования: Громыко С. А. Русско-польский кросснационалистический дискурс в Государственной думе Российской империи: риторико-прагматический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 130-139. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-130-139

В статье анализируется кросснационалистический дискурс в дореволюционной Государственной думе. Исследуются риторико-прагматические особенности прений между русскими и польскими националистами в парламенте. Кросснационалистический публичный дискурс, возникший в российском институте власти в 1908 и продолжавшийся до 1917 года, позволил существенно обновиться речевой деятельности русских и польских националистов. Объектом исследования послужили в первую очередь выступления русских правых радикалов. Установлено, что одной из главных черт кросснационалистического дискурса является системообразующая роль национального и исторического аргументов, так как агенты дискурса рассматривали современные им отношения между русскими и поляками сквозь призму истории взаимоотношений России и Польши, а также посредством различного рода доводов, связанных с этнической идентификацией и самоидентификацией. В результате анализа речей депутатов Думы установлено, что важнейшей прагматической стратегией для русских националистов было выстраивание образа врага. При этом типология средств создания образа врага показала активное использование самых разных способов речевого воздействия на аудиторию: интерпретация политической позиции как ненависти к России, приписывание нетерпимости и фанатизма, приписывание точки зрения о неполноценности русских, прямое обвинение в ненависти к русским, угрозы, описание случаев расправы поляков над русскими. Русскими националистами активно применялась коммуникативная стратегия разоблачения тайного заговора против России и русских. Делается вывод об имперском характере кросснационалистического дискурса: в прениях той и другой стороной активно использовалась бинарная когнитивная конструкция «окраина – центр», приобретающая черты конструкции «колония – метрополия».

Ключевые слова: парламентская риторика, парламентская речь, речевая прагматика, русский национализм, польский национализм, риторика национализма, аргументация, образ врага, национальный аргумент.

S. A. Gromiko

Russian-Polish cross-nationalist discourse in Russian Empire State Duma: rhetorical and pragmatic aspects

The article analyzes the cross-nationalist discourse in the pre-revolutionary State Duma. The rhetorical and pragmatic features of the debate between Russian and Polish nationalists in parliament are examined. The cross-nationalist public discourse that arose at the Russian institute of power in 1908 and continued until 1917 allowed the speech activity of Russian and Polish nationalists to be substantially updated. The object of the study was primarily the performances of Russian right-wing radicals. It has been established that one of the main features of cross-nationalist discourse is the system-forming role of national and historical arguments, since the agents of the discourse examined their contemporary relations between the Russians and the Poles through the prism of the history of relations between Russia and Poland, as well as through various kinds of arguments related to ethnic identification and self-identification. As a result of the analysis of the speeches of the Duma deputies, it was established that the most pragmatic strategy for Russian nationalists was to build the image of the enemy. At the same time, the typology of means of creating the image of the enemy showed the active use of a variety of ways of verbal influence on the audience: interpretation of the political position as hatred of Russia, attribution of intolerance and fanaticism, attribution of the point of view of the inferiority of Russians, direct accusation of hatred of the Russians, threats, description of cases of violence Poles over

Russians. Russian nationalists actively used the communicative strategy of exposing a secret conspiracy against Russia and the Russians. The conclusion is drawn about the imperial nature of cross-nationalist discourse: in the debate, both sides actively used the binary cognitive construction «outskirts – center», which acquired the features of the construction «colony – metropolis».

Key words: parliamentary rhetoric, parliamentary speech, speech pragmatics, Russian nationalism, Polish nationalism, rhetoric of nationalism, argumentation, image of the enemy, national argument.

Введение

Экстремистский дискурс и экстремистский текст в последние несколько лет стали объектами интенсивного научного изучения. Активному исследованию подвергаются тексты экстремистских религиозных организаций [Балукова, 2013], образы, использующиеся с целью коммуникативного воздействия на адресата [Злоказов, 2015], когнитивные особенности и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса [Ворошилова, 2014], психологическое воздействие религиозно-политических экстремистских текстов [Тагильцева, 2015], жанры современного экстремистского дискурса [Бабикина, 2015]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Экстремистский текст и деструктивная личность» [Экстремистский текст, 2014].

Изучение русского националистического дискурса в динамике, выявление его констант и доминант, дифференцирующих признаков позволяет лучше понять истоки и причины явления этнической нетолерантности и экстремизма в российском обществе. В этом плане исследование риторики и прагматики русских националистов в историческом аспекте представляется очень важным для понимания речевого генезиса русского национализма, выявления устойчивых форм, жанров, моделей и прочих констант речевой деятельности представителей данной идеологической группы.

Русские националисты в начале XX века – политики и общественные деятели, отстаивавшие праворадикальные взгляды. К ним относятся члены черносотенных организаций – «Союза русского народа» и «Русского народного союза имени Михаила Архангела», несистемные радикальные монархисты-консерваторы и умеренные правые, разделявшие позицию черносотенцев в национальных вопросах (например, некоторые члены думской фракции «Союза 17 октября»). Всех этих людей объединяло признание русской нации в качестве высшей ценности общества и государства, защита

прав русских православных, требование проведения внутренней и внешней политики в соответствии с русскими интересами. Все эти цели националисты предлагали решать на консервативно-охранительной платформе с опорой на монарха и государственный аппарат. В 1907 году русские националисты впервые получили представительство во Второй Государственной думе, а в Третьей Думе образовали парламентское большинство. Таким образом, русская националистическая риторика стала институциональной.

Данная статья является результатом исследования, целью которого было моделирование системы риторико-прагматических средств русских националистов в парламенте начала XX века. Объектом исследования послужили думские прения кросснационалистического, или межнационалистического, характера. В Третьей и Четвертой Государственной думе были представлены не только русские, но и польские националисты, что привело к своеобразному феномену: впервые в отечественной истории в публичном институте власти столкнулись два национализма, что спровоцировало взаимные нападки, обвинения, угрозы. Русские и польские радикалы с этого момента осмысливали себя и свою идеологию в контексте противника, выбирая для выступлений в Думе специфические средства и способы убеждения и воздействия. Таким образом, под кросснационалистическим дискурсом мы понимаем агональный дискурс столкновения в публичном институте власти националистов, продвигающих в качестве высшей ценности разные национальности. Предметом исследования послужили риторико-прагматические средства убеждения русскими националистами думской аудитории в собственной правоте и способы речевой атаки на польских националистов.

Прения по так называемым национальным вопросам, которые охватывали различного рода предложения по предоставлению особых прав Финляндии и Польше, имеют определенный

научный интерес. Польский вопрос вообще открывает особую дискурсную формацию в парламенте, так как депутаты-поляки, образовав активную политическую группу, стали влиятельным думским игроком, особенно в Первой и Второй думах, где голоса польского кружка, или польского коло, как они назвали себя, решили судьбу нескольких законопроектов. Выступление с трибуны депутатов-поляков в Третьей думе вошло в клинч с правым большинством парламента, особенно с радикалами-черносотенцами. Ответственными за противодействие польским националистам Роману Дмовскому и Любомиру Дымше со стороны черносотенцев стали русские депутаты от Польши Георгий Замысловский и Сергей Алексеев. Речи этих депутатов стали своеобразным риторическим ядром дискуссии, вокруг которого сгруппировались и выступления других парламентариев. Материалом исследования послужили 68 думских речей, произнесенных с 1908 по 1911 годы, в которых затрагиваются проблемы административного статуса, политического, экономического и социального положения Царства Польского. Речи нашли отражение в официальных стенографических отчетах Государственной думы и аналитических изданиях политических партий.

Риторико-прагматический инвентарь дискурса

Русские националисты в Думе в качестве средств убеждения и воздействия использовали определенный риторико-прагматический инвентарь, который включал в себя аргументы, коммуникативные стратегии и тактики, метафоры и образы. В ходе прений с польскими радикалами по национальным вопросам русские правые как использовали привычный набор способов убеждения, так и отстраивались от политических противников, вводя новые прагматические приемы. Рассмотрим наиболее востребованные риторико-прагматические средства.

1. Исторический аргумент.

В системе персуазивности русского институционального националистического дискурса начала XX века важную роль играл так называемый исторический аргумент. Под историческим аргументом понимается довод к общеизвестным фактам из отечественной и всеобщей истории. Депутаты в дореволюционной Думе активно обращались к событиям из разных периодов, эпох развития различных культур,

упоминали известных государственных деятелей, ориентировали аудиторию на исторические документы. Депутаты-националисты, обращаясь к петровскому времени, Смуте, Великой французской революции и убийству Александра II, активно искали параллели с современностью, пытались при помощи фактов истории объяснять и прогнозировать политический процесс начала XX века. Однако главный смысл приведения данных доводов – легитимизация и институционализация своих радикальных взглядов через «присваивание» великих событий и личностей, попытка вывести генезис русского национализма из русской истории [Громыко, 2017, с. 115].

В парламентских прениях о Польше и Финляндии обращение к истории становится ключевым аргументом, так как националисты пытались рассматривать современные межнациональные отношения сквозь призму истории их формирования. Чаще всего в выступлениях черносотенцев и Польша, и Финляндия интерпретируются как колонии, получившие благодаря метрополии импульс для экономического и культурного развития и не ценящие российскую государственность и русскую нацию. Естественно, депутаты, представлявшие польское коло, наоборот, живописали в своих речах мрачные картины притеснения российским государством поляков и католической церкви. Однако с отношением к Польше в ряде выступлений все было гораздо сложнее: по мнению черносотенцев, колонизация принесла полякам не чуждую им русскую культуру, а развила собственную, коренную.

Яркой реализацией исторического аргумента можно считать негативную интерпретацию истории Польши на начальном этапе ее вхождения в Российскую империю и сопоставление этой интерпретации с фактами развития в составе метрополии. *Алексеев: В 1825 году в автономной Польше на краевом сейме раздавались те же самые жалобы... На этом сейме лучшие сыны польской земли говорили с укоризной: почему понижается наше культурное состояние, почему мы делаем в школьном вопросе шаг назад?... Вы все, конечно, помните знаменитое 19 февраля 1864 года – Высочайший указ русского императора. Вы все помните священное для нас, для всех русских имя Милютин и его крестьянскую и школьную реформы в Царстве Польском. Польское крестьянство с 1864 года в культурно-*

экономическом отношении пошло по совершенно иному пути... До 1864 года неграмотных, то есть, как их называют местные жители, анальфabetов, в Царстве Польском был 91 %, а грамотных всего лишь 9 %. Обращусь теперь к данным из официального документа переписи 1897 года. Что вы там находите? Грамотных в Царстве Польском – 35 % вместо 9 % за такой сравнительно короткий промежуток времени [Польский вопрос, 1908, с. 14–15].

Для доказательства положительных результатов колонизации Польши русские правые в Думе активно опирались на авторитет экономистов, финансистов, историков, причем таких, которые не ассоциировались с официальным государственным дискурсом. Уже в 1908 году сами правые, по всей видимости, считают ненужным и неубедительным ссылок на работы, например Д. И. Иловайского, а пытаются парировать суждения оппонентов их же идеями. Так, в инвентарь персуазивных средств попадают работы видного экономиста-социалиста Ивана Янжула и даже польского историка-русофоба Владислава Студницкого. *Алексеев: Что была Варшава сто лет тому назад? 68 000 насчитывала она населения. Что случилось за этот промежуток времени? В 11 слишком раз увеличилось население... Мы знаем, что число фабрик увеличилось в 3 раза, сумма фабричного производства увеличилась в 4 с половиной раза, сумма торговых оборотов в 5, а в некоторых областях Царства Польского даже в 8 раз. И профессор Янжул, которого нельзя заподозрить в каком-либо лжепатриотизме, говорит нам одно, что польская промышленность, польское благосостояние есть балованное дитя поощрительной политики русской администрации* [Польский вопрос, 1908, с. 19–20]. В целом стенограммы заседаний парламента показывают, что русские правые в качестве инструмента противодействия эмоциональным речам представителей польского коло выбрали рациональную аргументацию с опорой на статистику и экспертное мнение.

2. Национальный аргумент.

Дискурс русских националистов в Думе систематически опирается на национальный аргумент. Под национальным аргументом мы понимаем персуазивный комплекс разнородных доводов, связанных со способом убеждения посредством апеллирования к таким ментальным категориям, как национальное сознание, дух, характер, национальная идентичность, а также к

истории становления нации, то есть к различного рода явлениям, связанным с этнической идентификацией в широком смысле. Национальный аргумент был востребован в русской парламентской дискуссии и входил в ядро персуазивного инструментария агентов дискурса [Громыко, 2018, с. 25]. Известно, что данный аргумент имел в институциональной дискуссии начала XX века несколько моделей-разновидностей.

В процессе прений с польским коло русские националисты использовали базовую модель довода к нации-жертве, которая предполагает, что оратор рассматривает русскую нацию как жертву других наций, исторического процесса, непреодолимых обстоятельств и т.п. Распространенность данного довода связана с тем, что у Думы впервые была возможность рассматривать национальные вопросы гласно и остро, поэтому и виновник того, что народ стал жертвой, некий «агрессор» также присутствует в аргументационной модели. Единственным отклонением от этой модели в русско-польской дискуссии необходимо считать смешение национального признака с вероисповедным. Дихотомия «православное – католическое» накладывается на дихотомию «русское – польское», что существенно усложняет прения за счет расширения проблематики и круга агентов дискурса. «Жертвой» при этом являются не только русские, но и все православные (белорусы, украинцы), а «агрессором» – не только поляки, но официальная католическая церковь в Царстве Польском.

Обращает на себя внимание активное использование приема гипотетической мены. Суть его заключается в том, что русские (православные) ставят на место агрессора, и делается заключение, что русские таким образом не стали или не смогли бы себя вести. *Замысловский: Я спрашиваю вас, осмелился бы русский батюшка вести такую пропаганду, которую ведут католические прелаты, осмелилась бы русская консистория не исполнить Высочайшего повеления, как это делает виленский капитул? Вот почему мы говорим католическому духовенству – или прекратите вашу проповедь религиозного фанатизма и племенной вражды, или мы будем настаивать, чтобы были приняты такие меры, в силу коих духовенство это подчинялось бы распоряжениям русского правительства...»* [Польский вопрос, 1908, с. 12]. Этот прием является одним из

нескольких способов негативного построения этнической самоидентификации, то есть определения русских в данном случае, как неполяков, не-католиков, не-фанатиков, не-сепаратистов.

Позитивное конструирование этнической самоидентификации русских националистов в процессе обсуждения польского вопроса представлено достаточно широко, гораздо шире, чем в прениях по другим проблемам. Это связано с тем, что в представлении черносотенцев русские и поляки были противопоставлены по ряду исторических признаков, причем эта бинарность была живой, развивающейся, взаимодополняющей. Например, Алексеев в ответ на обвинения Дмовского в насильственной русификации поляков заявил, что русский народ никогда не задавался целью сделать из поляка русского [Польский вопрос, 1908, с. 18], а русская идея – это идея величия России [Польский вопрос, 1908, с. 34–35]. Примечательна пафосная концовка речи Алексеева, произнесенной 29 апреля 1908 года: *«Сходя с кафедры, скажу, господа, что русский народ никогда не позволит себе гасить дух какой-нибудь национальной идеи, какого-нибудь другого народа, русский народ руководится принципом: живи и жить давай другим. Но русский народ, давая каждому право культурно определяться, никогда, господа, не позволит, чтобы с ним говорили двумя языками – здесь одним, а там другим, здесь о самоопределении, а там о независимости»* [Польский вопрос, 1908, с. 38]. В целом русский народ в речах правых депутатов предстает этносом, спаянным с государством, терпимым к другим народам, настроенным развивать взаимоотношения с ними, однако жестким по отношению к неблагодарным ему и Российскому государству. Такая вербальная репрезентация, по большому счету, была характерна только для дискуссии по польскому и финскому вопросу, но не затрагивала иные национальные (татары, башкиры, кавказские народы) и религиозные (мусульмане) меньшинства.

3. Образ врага.

Важнейшей прагматической стратегией для русских правых было выстраивание образа врага, причем, что особенно важно, внутри империи, то есть в своем же доме. Ранее нами был исследован образ внутреннего врага в неинституциональном дискурсе националистов – в листовках и прокламациях – сквозь призму оппозиции «свое» – «чужое». В начале зарождения

черносотенного движения в 1905 – 1906 годах рассуждения авторов воззваний имели строгий бинарный характер: ядро «своих» – русские, православные, ядро «чужих» – евреи. Ядерная зона «своих» – православные помещики, фабриканты, купцы, ядерная зона «чужих» – Америка, Европа, а также финны, поляки и прочие представители наций и народностей, населяющих Россию. Периферия «своих» – русские крестьяне, периферия «чужих» – интеллигенция [Громыко, 2017, с. 66]. Однако между образом «чужого» и «врага» есть существенная разница в задействовании тех или иных прагматических средств и в степени их интенсивности. «Врагу» приписываются максимально агрессивные признаки, негативное мировоззрение, сосредоточенность на активном противодействии «своему».

В думских речах правых депутатов в качестве врагов, помимо представителей польского кола, рассматривается Царство Польское и поляки в целом. Интересны способы репрезентации образа «польского врага».

1) Интерпретация политической позиции как ненависти к России и всему русскому, как желание ослабить Российское государство. Например, октябрист Василий фон Анреп, формально не принадлежащий к черносотенцам, но симпатизировавший им в национальных вопросах, следующим образом рассматривал намерение польского кола воздержаться при голосовании об ассигновании средств на начальное образование: *«Вы подумайте, если бы это было иначе [речь идет о том, что голоса польского кола в III Думе не имели решающего значения – С. Г.], мы бы теперь получили отказ в народном всеобщем образовании в России, потому что их идея такая: пусть гниет в невежестве русская страна. Они отказались голосовать за эти 5 500 000 рублей»* [Польский вопрос, 1908, с. 61]. Обратим внимание, что речь идет не о консолидированном голосовании «против», а лишь о том, что польское коло мотивированно воздержалось от голосования за выделение ассигнований.

2) Приписывание полякам-католикам нетерпимости и фанатизма. *Замысловский: Мы знаем, что в сельских местностях северо-западного края воинствующее католическое духовенство во что бы то ни стало препятствует католикам-белорусам пускать детей в русскую школу. Если католик-белорус осмелится пустить своих детей в русскую школу,*

польский ксендз лишает его причастия... В край вносят проповедь религиозного фанатизма, и результат этой проповеди налицо [Польский вопрос, 1908, с. 9].

3) Приписывание полякам точки зрения о неполноценности русских. Правые в Думе активно собирали своеобразное досье не только на представителей польского кружка, но и на всех общественных деятелей, писателей, ученых, журналистов, которые когда-либо прямо или косвенно давали уничижительную оценку русским. Затем в выступлениях с трибуны эти оценки суммировались, утрировались и позиционировались как консолидированное отношение всех поляков ко всем русским. *Алексеев: Господа, да какой же вам другой правды нужно, когда есть «этнографическая» так называемая правда, которая говорит, что русские в Царстве Польском – это вовсе не славяне, это азиаты монгольского происхождения. И наше азиатское происхождение якобы подтверждают антропометрические измерения: возьмите, например, ногу москальки (говорит «Гонец»), да у нее как у хинки – у китайки – нога изуродована. И это говорит, вы думаете, только необразованный этнограф, публицист «Гонца». Нет, в подобном духе говорит, между прочим, и почтеннейший профессор, о котором здесь упоминали, Бодуэн де Куртенэ. Ученый-славист утверждает, что славянство русского народа еще подлежит большому сомнению, даже по вопросам статистики* [Польский вопрос, 1908, с. 83]. Следует отметить, что данный прием, несмотря на очевидную манипулятивность в плане компоновки и преподнесения материала, основывался на реальных публикациях в польских газетах и журналах. Обнародование подобного рода высказываний поляков в Петербурге с трибуны Таврического дворца должно было, по замыслу правых, шокировать русскую общественность, раскрыть ей глаза на истинное отношение к России и русским.

4) Прямое обвинение поляков в ненависти к русским, которое зачастую переходило в угрозы, адресованные польской нации в целом. *Клопович: История польского восстания и польских мятежей показала достаточно ясно, как эти дорогие братья поляки относились к нам раньше. Знаем мы, как они относятся и теперь ко всему русскому в северо-западном и юго-западном крае. Представитель польского народа и лидер польского коло перед лицом всей России громко*

заявил, что поляки ненавидят все русское (Голос слева: неправда). Была подчеркнута несколько раз ненависть поляков к русским, не верить представителю польского народа, конечно, мы не можем и благодарим за откровенность, но пусть же тогда поляки не ждут горячей и нежной любви за ненависть [Польский вопрос, 1908, с. 96]. Стенограммы отражают и прямое обращение к польскому народу на пике дискуссии. *Алексеев: Помни, польский народ, что пока не было Третьей Государственной думы, пока вы, поляки, могли безвозбранно выступить так, как выступали в Первой и Второй думах и говорить бог знает что о русских людях, возможно было понять такие приговоры [об угрозах русским чиновникам в Польше]. Теперь наступил другой момент. Русская Государственная дума будет слушать и русские рассказы о житье-бытье и исполнении своего долга русскими людьми на окраинах* [Польский вопрос, 1908, с. 90].

5) Детальное описание случаев расправы поляков над русскими и православными. Это был максимально воздействующий на аудиторию способ построения образа врага. На этапе кульминации прений каждый правый депутат с трибуны приводил по несколько таких примеров. В результате у слушателя создавалось впечатление, что нападения поляков на русских в Царстве Польском – систематическое и даже обыденное явление. Так, например, Алексеев в прениях по школьному вопросу 6 июня 1908 года сначала рассказал о том, что русские чиновники в Польше получают анонимные записки-угрозы, а затем описал убийства польскими террористами начальников дирекции Станкевича и Афанасьева [Польский вопрос, 1908, с. 89]. Двумя неделями ранее Епископ Евлогий рассказал о сожжении воинственно настроенной толпой домов православного священника и псаломщика. Далее последовал рассказ о том, как ксендзы пытались насильственно причастить по католическому обряду умирающего православного священника [Польский вопрос, 1908, с. 118]. Наконец, депутат Тычинин спустя некоторое время озвучил польскую католическую прокламацию, содержащую угрозы в адрес русских и евреев [Польский вопрос, 1908, с. 135].

4. Коммуникативная стратегия разоблачения.

Одним из важнейших средств воздействия на аудиторию и оппонентов в процессе думских межнациональных прений была коммуникативная

стратегия разоблачения. Разоблачительный пафос характерен, в первую очередь, для депутатов-черносотенцев, в то время как представители польского кола выбирали пафос обвинения или, наоборот, жалости. Стратегия разоблачения заключалась в том, что объекту (польскому кружку, полякам в целом) приписывались различного рода подтасовки, умышленное несоответствие между словами и делами, словами и целями и субъект (оратор) публично демонстрировал эту подтасовку либо несоответствие. Стратегия разоблачения предусматривала существование некоей тайны, своеобразного заговора поляков против России и русских, причем этот заговор в ряде выступлений черносотенцев приобретал сакральный смысл, кристаллизуясь в конкретном событии.

Объектом разоблачения стал лидер польского кола Роман Дмовский, главным разоблачителем – Сергей Алексеев. По мере развития русско-польской националистической дискуссии весной-летом 1908 года наблюдается своеобразная восходящая градация разоблачения: от обвинений в приведении ложных аргументов и в манипуляции со статистикой до предъявления доказательств, что Дмовский в Польше перед своими избирателями говорит одно, а в Думе – совершенно другое: в Царстве Польском заявляет о необходимости требовать от России автономии, а в Думе использует эвфемизм «децентрализация». Ссылаясь на печатный орган польского кружка, Алексеев заявил, что, по мысли Дмовского, «автономия есть не больше и не меньше, как этап к самостоятельности Польши – польское коло только заменило „автономию“, то есть разделение единой нераздельной великой России новым ловким термином „децентрализация“» [21]. Думская же тактика, по мнению Алексеева, была четко разъяснена Дмовским в газете: «Польское коло должно в Думе идти рука об руку с теми русскими элементами, которые стремятся „вернуть“ – точное выражение – Россию с ее исторического пути» [Польский вопрос, 1908, с. 21].

Следующий этап разоблачения – агрессивные цитаты из явно националистической и антиимперской работы «Мысли современного поляка», опубликованной за подписью Романа Скржицкого. Этот трактат не был широко известен в Петербурге, поэтому его резкий тон должен был удивить депутатов. Шокировать же аудиторию, по мысли Алексеева, должен был тот

факт, что под псевдонимом Роман Скржицкий скрывался не кто иной как Роман Дмовский, живописавший в своих думских речах картины угнетения поляков и заявлявший о необходимости децентрализации Польши, но не выхода ее из состава России. Спустя несколько недель Алексеев снова процитирует данную работу Дмовского, где автор заявляет, что «в частной жизни человеку кривды делать не будет, но что касается до народных отношений, то он может его „забить“, и он так и сделает» [Польский вопрос, 1908, с. 77].

Наконец, настоящим расследованием Алексеева стало разоблачение сакрального события, которое условно можно назвать «клятва при гробе Поплавского». В марте 1908 года в Варшаве умер основоположник польского национально-демократического движения Ян Людвик Поплавский. Представители польской фракции в Думе – Дмовский и Наконечный – спешно оставили парламентские занятия и уехали на похороны, где произнесли несколько вдохновенных речей о положении современной Польши. Алексееву каким-то образом стали известны стенограммы этих выступлений. Алексеев: *И здесь у гроба Поплавского депутат Дмовский произнес совсем иную речь, чем мы слышали сегодня; эта речь была уместна и своевременна: эта речь ясно выражала польские вожеления... Что такое целая Польша...? Он сказал: «Сохранение во всех сферах жизни знамени польской независимости и созидание дальнейшего развития на началах традиционного фундамента прошлого, который есть единственно прочное строение...»* [Польский вопрос, 1908, с. 32]. Эти обвинения в тайном сепаратизме, а кроме того, в желании всеми силами вредить российской государственности черносотенцы стали использовать систематически (далее и в 1911 году), ссылаясь на протоколы речей при гробе Поплавского. Примечательно, что коммуникативная модель данного аргумента в речах Алексеева напоминает «Протоколы сионский мудрецов» 1903 года, предполагаемым автором которых является черносотенец Паволакый Крушеван.

Разоблачение Алексеевым Дмовского – лишь один пример использования стратегии разоблачения. Ее же активно использовали и другие правые, например епископ Евлогий и Березовский в напаках на Любомира Дымшу.

5. Бинарность окраины и центра.

Для межнационалистического дискурса начала XX века была характерна бинарность окраины и центра в сознании говорящих. По-видимому, это свидетельствует о том, что дискурс националистов, особенно русских, пересекается с имперским дискурсом и характерным для него четким делением на метрополию и колонии. Эта оппозиция не была просто когнитивной конструкцией, стенограммы речей депутатов показывают, что противопоставление окраины центру в процессе русско-польской националистической дискуссии становится риторическим приемом. Русские и польские радикалы соглашались в интерпретации членов этой оппозиции, но не отношений между ними. И черносотенцы, и члены польского коло в качестве центра рассматривали русскую Россию (хотя в процессе развития дискуссии единичные маркеры периферии получали Сибирь и Дальний Восток), в качестве окраины – Царство Польское.

Роман Дмовский первым проартикулировал в парламентских прениях 1908 года данную оппозицию, заявив о политике России в отношении Царства Польского как о «культурном разорении окраин». Русские правые подхватили эту смысловую конструкцию, однако поменяли знак с минуса на плюс (культурное и экономическое обогащение и развитие Польши) либо направление вектора воздействия (Польша разрушительно влияет на центр, а не наоборот). При этом представители центра-метрополии осмыслялись как жертвователи, а окраины-колонии как паразиты. *Алексеев: Я здесь, основываясь на тех неоспоримых данных, которые только что были приведены вам, скажу иное: дай Бог, господа, русским крестьянам скорее зажить так, как живет польскому крестьянину (Рукоплескания справа). И глубоко неправ был представитель конституционно-демократической партии... исходя, очевидно, из предрассудка «процветания центра и разорения окраин». Ему я отвечаю... русский народ... отдавал свои кровные, как говорил профессор Янжул, русские кровные деньги на содержание окраин, в значительной степени вскормленных и вспоенных на русских хлебах и за счет русских потребителей [Польский вопрос, 1908, с. 17]. Этот аргумент впоследствии стал широко использоваться другими депутатами в прениях, не связанных с национальными вопросами. Белоусов: Обратите внимание, господа, на такое обстоятельство. Старая коренная страна, населенная коренным*

русским населением, Сибирь, не получает даже надежды на введение земского самоуправления. А страна, с которой все время воевали, спорили, страна, для которой создали целые томы законов, всевозможных ограничений, Польша, ныне получает благосклонное внимание правительства, ей обещают самоуправление, обещают городское положение и т.д. Почему так вышло? [Государственная дума, 1911, стлб. 2287].

Выводы

Кросснационалистический публичный дискурс, возникший в российском институте власти в 1908 и продолжавшийся до 1917 года, позволил существенно обновиться речевой деятельности русских и польских националистов. Находясь в виду противника и в условиях повышенной агональности прений по национальным вопросам, обе радикальные силы произвели своеобразную ревизию риторико-прагматических средств. Можно с уверенностью сказать, что дискуссия с польским коло существенно изменила представление черносотенцев о персуазивности публичного выступления и стала одним из этапов институционализации русской националистической риторики, перехода ее от неинституциональных инвективных форм к цивилизованным парламентским. Русские радикалы, в отличие от польского коло, которое основывало свои высказывания на пафосе и метафорах, сделали ставку на рациональную аргументацию: статистические сводки, неангажированные исследования, не аффилированные с властью эксперты, факты из истории.

Национальный и исторический аргументы бурно развивались именно в перекрестной националистической дискуссии: черносотенцы искусно подменяли политическую повестку дня осмыслением истории взаимоотношения русской государственности с поляками, самым убедительным доводом в борьбе за политический статус-кво был исторический факт. Негативное построение этнической самоидентификации также основывалось на истории русских, в отличие от поляков. В неравной парламентской схватке двух национализмов черносотенцы перехватили инициативу за счет богатой и разветвленной системы средств выстраивания образа врага. При этом важно отметить, что в парламенте это был совершенно конкретный враг, который не просто был частью слушателей, но и

имел право возражать с трибуны. В допарламентской риторике 1905–1906 годов русские правые радикалы с такими условиями не сталкивались. Успех в Думе им принесла система расследований и разоблачений как членов польского коло, так и других польских политических и общественных деятелей. На передовую риторической атаки были выдвинуты не просто хорошие ораторы-черносотенцы, а «русские поляки» Алексеев и Замысловский, в первую очередь владевшие фактурой польской жизни и польского вопроса. Агрессивность обличений Алексеева и скрупулезность Замысловского были положены в основу риторической атаки на польских противников, а остальные правые члены Думы и даже сочувствовавшие им депутаты центра испытали серьезное влияние двух ораторов при выборе средств убеждения. Примечательно, что в дискуссиях по польскому вопросу практические не участвовали или же ограничивались единичными выступлениями главные трибуны черносотенцев – Николай Марков и Владимир Пуришкевич. Это свидетельствует о своеобразной специализации на определенных вопросах ораторов внутри фракции правых.

Библиографический список

1. Бабилова М. Р., Ворошилова М. Б. Аллогенные жанры в современном экстремистском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 160–164.
2. Балукова Н. А., Веснина Л. Е. Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос“» // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 199–208.
3. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242–245.
4. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Часть 2. Санкт-Петербург, 1911. 3723 стлб.
5. Граудина Л. К. Функционально-смысловые типы парламентской речи // Культура парламентской речи. Москва : Наука, 1994. С. 23–34.
6. Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 23–33.
7. Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) // Международный научно-исследовательский журнал. № 7 (61). Ч. 1. Екатеринбург, 2017. С. 112–115.

8. Громыко С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. Вологда : ВГПУ, 2010. 216 с.

9. Громыко С. А. Черносотенные листовки и воззвания начала XX века: риторико-прагматический аспект / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). Екатеринбург. С. 64–69.

10. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 247–253.

11. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация / М. В. Розанова, Н. Н. Китайгородская // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Москва : Языки славянской культуры, 2003. С. 151–240.

12. Польский вопрос в Государственной Думе 3-го созыва 1-й сессии. Вильна: Электротипография «Русский Почин», 1908. 157 с.

13. Риторика // Античные риторика / А. А. Тахо-Годи. Москва : Изд-во Московского университета, 1978. С. 15–166.

14. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 165–170.

15. Хазагерев Г. Г. Политическая риторика. Москва : Никколо-Медиа, 2002. 313 с.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Москва : Флинта. Наука, 2006. 256 с.

17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004. 326 с.

18. Экстремистский текст и деструктивная личность: монография / Ю. А. Антонова и др. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2014.

19. Dijk T. A. v. Studies in the pragmatics of discourse. Mouton, 1981. 285 p.

20. Perelman, C. and Olbrechts-Tyteca, L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 p.

Reference List

1. Babikova M. R., Voroshilova M. B. Allogennye zhanry v sovremennom jekstremistskom diskurse = Allogenic genres in a modern extremist discourse // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 160–164.
2. Balukova N. A., Vesnina L. E. Kommunikativnye strategii i taktiki v tekstah religioznoj organizacii «Velikoe Beloe Bratstvo „Jusmalos“» = Communicative strategies and tactics in the texts of a religious organisation «Great white brotherhood „Usmalos“» // Politicheskaja lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 199–208.
3. Voroshilova M. B. Kognitivnyj arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo nacionalisticheskogo diskursa = Cognitive arsenal and communicative strategies of modern nationalist dis-

- course // *Politicheskaja lingvistika*. 2014. № 3 (49). S. 242–245.
4. Gosudarstvennaja дума. Tretij sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessija 4. Chast' 2 = State Duma. The third convocation. Shorthand reports. Session 4. Part 2. Sankt-Peterburg, 1911. 3723 stlb.
5. Graudina L. K. Funkcional'no-smyslovye tipy parlamentskoj rechi // *Functional and meaningful types of parliament speech. Kul'tura parlamentskoj rechi*. Moskva : Nauka, 1994. S. 23–34.
6. Gromyko S. A. «Nacional'nyj argument» v russkoj parlamentskoj ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoj dume Rossijskoj imperii) = «National argument» in Russian parliament rhetorics (on the material of the discussion in Russian Empire State Duma) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 2018. № 56. S. 23–33.
7. Gromyko S. A. Obrashhenie k istorii kak ritoricheskij argument v russkoj parlamentskoj rechi (na materiale vystuplenij deputatov-nacionalistov v dorevoljucionnoj Gosudarstvennoj dume) = Reference to history as a rhetoric argument in Russian parliament speech (on the material of speeches of deputies-nationalists in pre-revolution State Duma) // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. № 7 (61). Ch. 1. Ekaterinburg, 2017. S. 112–115.
8. Gromyko S. A. Priemy i sredstva rechevogo obshhenija v I Gosudarstvennoj dume 1906 goda = Methods and means of speech communication in the first State Duma of 1906. Vologda : VGPU, 2010. 216 s.
9. Gromyko S. A. Chernosotennye listovki i vozzvanija nachala HH veka: ritoriko-pragmaticheskij aspekt = Black Hundred flyers and appeals of the beginning of the XX century: rhetoric and pragmatic aspect / S. A. Gromyko // *Politicheskaja lingvistika*. 2017. № 6 (66). Ekaterinburg. S. 64–69.
10. Zlokazov K. V., Sofronova A. Ju. Obrazy kommunikatorov i strategii vozdejstvija pri propagande idej terroristicheskoj organizacii «Islamskoe gosudarstvo» = The images of communicators and impact strategies when propagating of the ideas of terroristic organization «Islamic state» // *Politicheskaja lingvistika*. 2015. № 2 (52). S. 247–253.
11. Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Sovremennaja politicheskaja kommunikacija = Modern political communication // *Sovremennyj russkij jazyk: social'naja i funkcional'naja differenciacija*. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 151–240.
12. Pol'skij vopros v Gosudarstvennoj Dume 3-go sozyva 1-j sessii = Polish question in State Duma of the 3d convocation of the 1st session. Vil'na : Jeletrotipografija «Russkij Pochin», 1908. 157 s.
13. Ritorika = Rhetorics // *Antichnye ritoriki / A. A. Taho-Godi*. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1978. S. 15–166.
14. Tagil'ceva Ju. R. «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «pojezija» informacionno-psihologicheskogo vozdejstvija religiozno-politicheskogo jekstremizma = «During that night when the wolves were born», or «poetry» of information and psychological impact of religious and political extremism // *Politicheskaja lingvistika*. 2015. № 4 (54). S. 165–170.
15. Hazagerov G. G. Politicheskaja ritorika = Political rhetoric. Moskva : Nikkolo-Media, 2002. 313 s.
16. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika = Political linguistics. Moskva : Flinta. Nauka, 2006. 256 s.
17. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moskva : Gnozis, 2004. 326 s.
18. Jekstremistskij tekst i destruktivnaja lichnost' = Extremist text and destructive personality : monografija / Ju. A. Antonova i dr. Ekaterinburg : Ural'skij gos. ped. unt, 2014.
19. Dijk T. A.v. Studies in the pragmatics of discourse. Mouton, 1981. 285 r.
20. Perelman, C. and Olbrechts-Tyteca, L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 r.